

20 ноября прошлого года в «Советской культуре» была опубликована реплика «Немузыкальная история». Ее автор, собственный корреспондент газеты по Закавказью Ю. Мосешвили, писал о неожиданном и непропорциональном смещении с должности главного редактора музыкальных передач Грузинского телевидения музыковед Е. Мачавариани. Выступление «Советской культуры» не осталось без ответа. Председатель Государственного комитета Совета Министров Грузинской ССР по радиовещанию и телевидению К. Гардабхадзе прислал письмо, в котором подверг сомнению объективность реплики и категорически отстаивал правильность принятого комитетом решения. Так возникла необходимость направить в Тбилиси специального корреспондента.

КОГДА мы встретились с Карло Константиновичем Гардабхадзе, он искренне удивился моему приезду: все решено и забыто, на месте Е. Мачавариани — другой работник. Письмо в редакцию? Да, там высказана верная точка зрения, но председатель комитета ни на чем не настаивает и никаких претензий к газете не имеет.

Такая дипломатичность была несколько неожиданной, ибо не раз приходилось слышать, что Карло Константинович — человек прямой и решительный. Впрочем, эту репутацию он вполне подтвердил и во время нашего первого разговора, и при последующих встречах. Когда, и довольно быстро, стало очевидным, что совместить противоположные точки зрения на один и тот же факт никак невозможно, т. Гардабхадзе весьма резко заявил, что газета защищала Е. Мачавариани совершенно зря, и последовали доказательства этого недвусмысленного тезиса.

Стоит, определенно стоит вернуться к истории, случившейся в грузинском Комитете по радиовещанию и телевидению. Не для того даже, чтобы вскрыть этическую, нравственную суть дела, а для того, чтобы увидеть его (простите за тавтологию) деловую суть. Здесь, видимо, и нужно искать мораль нелокального порядка.

Карло Константинович говорит: когда в 1967 году создавалась главная редакция музыкальных передач Грузинского телевидения, он сам предложил поставить Евгения Мачавариани во главе редакции. Молодой музыковед отказывался от хлопотной должности, но в общем удалось его уговорить. По нынешнему мнению т. Гардабхадзе, была совершена ошибка. Главный редактор музыкальных передач со своими обязанностями не справился. Ошибку хотелось исправить. В октябре прошлого года, 23-го числа, председатель комитета пригласил Мачавариани к себе и предложил перейти на должность комментатора. Разговор шел в том плане, что самому же Евгению лучше быть комментатором, больше возможностей для творческой работы. Мачавариани обещал подумать. Через короткое время состоялось заседание комитета, решением которого Евгений был переведен в комментаторы, а на его место назначен новый работник.

В результате возникшего конфликта Е. Мачавариани, отказавшийся занять новую должность, покинул телевидение.

Такова внешняя канва происшедших событий.

Первый же, вполне естественный вопрос: если комитет принял столь суровое решение, значит, ему предшествовали другие, предшествовал коллегиальный анализ работы музыкальной редакции, в работах эта была признана угрожающе плохой? Не ищите документальных следов таких решений и обсуждений — их нет в природе.

Не будем делать скоропалительных выводов об административном произволе. Обратим внимание на то, что в описанной ситуации председатель взяла на себя всю ответственность за принятое решение. Имел ли он на это право? Да, потому что он в первую очередь отвечает за всю многообразную деятельность телевидения, четкость в работе каждой редакции, эффективность и уровень каждой передачи. Ему, главе огромной организации, могут быть лучше, чем кому бы то ни было, видны достоинства и недостат-

ки подчиненных, их способность вести дело, их творческий потенциал. И если зашла речь об отстранении от должности человека, которого сам т. Гардабхадзе уговаривал эту должность принять, логично искать здесь причины самого серьезного свойства.

Поэтому внимательно прислушаемся к доводам Карло Константиновича. Вот они: Евгению Мачавариани давались указания организовать систематические выступления коллективов музыкальных школ и училищ, творческие вечера композиторов союзных республик, всесоюзный фестиваль эстрадной песни. Эти указания не выполнены. Кроме то-

удостается теперь самых нелепых характеристик. Факты, способные представить его недавнего подчиненного в совершенно определенном свете, Карло Константинович излагал горячо и по несколько раз. Удивляло это по той простой причине, что до решения комитета у Гардабхадзе и Мачавариани были вполне нормальные человеческие и служебные отношения. Что же случилось? Все очень просто — история с Мачавариани получила огласку. К т. Гардабхадзе пришла со своими недоумениями группа композиторов, по поводу «немузыкальной истории» высказалась газета. Во всем этом Карло Константинович

на указанный выше манер, ему по неволе покажется, что судьбу его определил чей-то каприз. Когда сначала принимается решение, а потом, задним числом, подыскиваются оправдательные мотивы, позиция руководителя выглядит крайне уязвимой.

Можно по-разному отстаивать свою точку зрения. То, как это делал Карло Константинович Гардабхадзе, оставляло тягостное чувство.

К своему официальному письму в редакцию «Советской культуры» он приложил еще одно письмо, на его имя. В этом документе выражалось крайнее возмущение выступлением газеты, затем давалась положительная характеристика новому главному редактору музыкальных передач Т. Чочуа и в конце приветствовалось решение Комитета по радиовещанию и телевидению. Несколько удивляло, правда, что письмо по поводу реплики в газете адресовано не в редакцию, а в комитет. Но бог с ними, с подробностями. Под письмом стояли подписи очень уважаемых людей, не считаться с мнением которых в любом случае нельзя. Я посетил одного из них — декана факультета искусств Тбилисского университета В. Гвахария. То, что он сообщил, представляет крайний интерес:

— Я подписывал служебную характеристику Т. Чочуа. Вот она, в середине письма. Однако ни по поводу выступления газеты, ни по поводу решения комитета я никакого мнения не высказывал. К этим частям письма ни малейшего отношения не имею...

Еще одна странность и без того странной истории?

И последнее. Тов. Гардабхадзе в конце концов сказал поистине знаменательную вещь:

— Вы сомневаетесь в основаниях для отстранения Мачавариани? Если понаблюдается, я найду основания, чтобы снять любого главного редактора.

Вот так мы добрались до самой сути дела.

А ТЕПЕРЬ попробуем подвести итоги.

Евгений Мачавариани меньше всего похож на этакого ангела во плоти, абсолютно лишнего недостатков. Люди, хорошо его знающие, говорили, что подчас ему не хватает собранности, что во время работы на телевидении от него могли требовать большего. Но никто не мог отказать Мачавариани в отличном знании дела, эрудиции и таланте. И, что особенно важно, ему присущ подлинный дар популяризатора. Он прекрасно выступает перед аудиторией, умея зажечь ее своей поистине неисчерпаемой любовью к музыке.

На телевизионных экранах Грузии Е. Мачавариани больше не появляется. Нет, он не остался без работы — на талантливых людей у нас спрос велик и его с удовольствием пригласили на работу в филармонию. Приходилось мне беседовать и с министром культуры Грузинской ССР О. В. Тактакишвили. Отар Васильевич сказал, что Мачавариани поручено руководство постоянно действующими музыкальными фестивалями, и он энергично взялся за дело.

Телестудии, и Тбилисская здесь не исключение, испытывают острую нехватку творческих кадров. К. К. Гардабхадзе признался, что найти комментатора во много раз труднее, чем любого другого работника. Проблема общеизвестная. Квалифицированного комментатора, специалиста Грузинское телевидение потеряло.

Допустим даже, что Е. Мачавариани и впрямь было бы лучше работать только комментатором, а не совмещать функции главного редактора с комментаторскими. Лучше и для него как тележурналиста, и для студии. Но и в этом предположительном случае Мачавариани должен был бы сам убедиться в целесообразности изменения своего амплуа, убедиться под воздействием неотразимых и непременно дружеских аргументов. Работа с кадрами, особенно творческими, — тонкая работа. Смысл ее в том, чтобы от каждого человека получить для дела максимум, на что он способен.

Карло Константинович Гардабхадзе предпочел действовать без тонкостей...

А. РУДЕНКО,
спец. корр. «Советской культуры».
ТБИЛИСИ — МОСКВА.

КАПРИЗЫ СТИЛЯ

Послесловие к «Немузыкальной истории»

го, мало внимания уделялось народной музыке. Кроме того, больше пропагандировалось творчество отдельных композиторов».

Вряд ли стоит отрицать значимость высказанных претензий — они касаются важных моментов в работе музыкальной редакции. Однако вот что неясно: как соотносятся эти просчеты с тем полезным, что делало редакцией? Сегодня председатель комитета дает Е. Мачавариани самую мрачную характеристику, по которой получается, что все хорошее — заслуга коллектива, все плохое — вина бывшего главного редактора.

Пришлось обратиться к другим свидетельствам.

Вот к какому выводу пришел ведущий отделом науки, культуры и просвещения Совета Министров республики Л. Н. Матарадзе, летом прошлого года изучавший деятельность Грузинского телевидения: «Пожалуй, наиболее сильная сторона программ — музыка и изобразительное искусство. Здесь следует отметить прежде всего успешную работу редакции музыкальных передач (руководитель Е. Мачавариани). Музыкальные телепередачи выделяются своей направленностью, разнообразием приемов и форм подачи музыки и систематичностью...».

Вот как отнесся республиканский Союз композиторов к злополучному решению комитета: «Е. Мачавариани поднял уровень музыкальных передач... Союз композиторов считает это решение нецелесообразным и просит пересмотреть его в пользу Мачавариани».

И в том, и в другом случае официально высказано мнение, в авторитетности и компетентности которого сомневаться не приходится.

Я встречался с директором Грузинской государственной филармонии А. К. Кипиани и его заместителем О. Д. Палиташвили, с директором Тбилисского театра оперы и балета Д. С. Мчедлидзе, ректором Тбилисской консерватории С. Ф. Цинцадзе. Они дали высокую оценку Евгению Мачавариани и как специалисту, и как человеку, благодаря которому телевидение наладило прочные связи с музыкальной общественностью, музыкальными учреждениями республики, сделало многое для пропаганды музыки с телеэкрана. Мотивы решения комитета были для моих собеседников абсолютно неясны. Их реакция — смесь крайнего удивления с крайним возмущением. Они считают уход Мачавариани большой потерей для телевидения. Тов. Гардабхадзе придерживается прямо противоположной точки зрения.

А МОЖЕТ, есть вещи, которые не дано понять постороннему человеку, которые ведут в глубь внутрителевизионного бытия, в глубь деловых и личных отношений, сложившихся между председателем комитета и Евгением Мачавариани?

Я уже говорил, что бывший главный редактор музыкальных передач

увидел интриги друзей Мачавариани. Когда наш корреспондент приехал в Тбилиси, т. Гардабхадзе в первую очередь стал выяснять: не друга Евгения примчался к нему на выручку? Предположить, что случившееся в комитете представляет интерес не только для друзей Мачавариани, было ему, видимо, трудно...

По-человечески можно понять, что Карло Константинович почувствовал себя уязвленным. Однако его положение как руководителя комитета обязывало к куда большей сдержанности. Дело ведь не только в моральной стороне вопроса, хотя, согласитесь, крайне неприятно слышать, как один человек чернит другого, чернит бывшего сослуживца, бывшего коллегу. Хуже всего то, что вот эта повышенная эмоциональность сказалась, и не только сейчас, на оценке деловых качеств Мачавариани, определении его судьбы на телевидении. Что ни говори, а субъективный момент оказался здесь очень силен. Тов. Гардабхадзе всячески подчеркивает, что Мачавариани небрежно оформлял тексты передач, славил их в самый последний момент. Небрежность есть небрежность, и осталось бы только признать, что взгляды «изнутри» зорче взгляда «извне», если бы сам Карло Константинович не сказал, что и в других редакциях «то же самое». Если бы его восклицание: «Понимаете, так славилась десятки музыкальных передач!» — не вызвало вполне естественного вопроса: «А как вообще в комитете с дисциплиной, с оформлением рабочих документов?». Ответа на этот вопрос не последовало...

Факт всегда факт, и нельзя толковать его так и этак, применяясь к обстоятельствам и настроению.

Где-то в самом разгаре наших бесед Карло Константинович сказал:

— А вы знаете, был случай, когда Мачавариани вел передачу нетрезвым!

История приобретала неожиданый поворот.

Да, на телевидении заметили однажды, что бывший главный редактор музыкальных передач пришел в студию под хмельком. И хотя передача прошла без «накладок», хотя никогда раньше Е. Мачавариани в подобных проступках замечен не был и речь идет о досадной случайности, искать оправданий здесь просто не хочется. Но вот что не могло не поразить — как реагировал на происшедшее председатель комитета. Он ограничился укоризненным разговором с провинившимся, а в скором времени предложил ему комментаторскую работу, связанную с постоянными выходами в эфир. Значит, случаю в студии просто не придавалось значения до тех пор, пока это не потребовалось из-за возникшего конфликта.

Не Мачавариани в данном случае хочется защищать, а здравый смысл и выработанные у нас нормы отношений между руководителем и подчиненным. Если работник не несет ответственности, совершая проступок, и отстраняется от должности

Соб. культ. журн., 1970, 9 июля